

ЛИРИКА ПОЛЯ ВЕРЛЕНА

К 125-летию со дня рождения

Когда критики хотят привести пример непереводаемости лирической поэзии, они обычно ссылаются на Верлена: можно с известной полнотой воспроизвести на другом языке стихотворное повествование, имеющее сюжет, реальных персонажей, приметы внешнего мира. У Верлена этого нет. Его музыкальные миниатюры воссоздают внутреннюю жизнь, которая во французской поэзии никогда еще не была передана с такой силой, — в ее непрерывном движении, самом процессе ее вечного становления и логически необъяснимых, непредсказуемых метаморфозах. «В его всегда меланхолических и звучащих глубокой тоской стихах, — писал М. Горький, — был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты, жаждет бога и не находит, хочет любить людей и не может».

Казалось бы, герой Верлена живет вне общества и истории — впрочем, такое впечатление обманчиво: лирический мир Верлена — это душевная жизнь современника Коммуны, ее гибели, человека глухой поры 70—90-х годов. Казалось бы, даже природы в поэзии Верлена нет, хотя чуть ли не каждое его стихотворение — пейзаж. Осень, о которой так охотно пишет Верлен, это не столько время года и увядания, сколько метафора усталости, старения, обреченности, близящейся смерти. Ветер, порывы которого так часты в лирических миниатюрах Верлена, не столько пригибает к земле реальные кусты и рвет с деревьев листву, сколько символизирует всевластный Рок, грозящий гибелью беззащитным осенним листьям. Сумерки, сгущающиеся над землей во множестве Верленовых стихов, — образ зыбкости горестного бытия, угасающей мысли, тающих воспоминаний. Лес, в котором так любит блуждать поэт, это не столько реальные дубы и ели, сколько угрызения его совести, думы о прошлом, материализованные мечты и разочарования. Бескрайние, покрытые снегом равнины — тоска, угнетающая его душу. Душа — таково место действия почти всех стихотворений Верлена. Нередко в них и не отличишь, где кончается внешний мир и начинается внутренний. Для Верлена необыкновенно характерно раннее стихотворение «Воспоминание о тайне сумерек» (1866), которое в дословном переводе гласит:

«Воспоминание вместе с Сумерками алеет и трепещет на ярком горизонте Надежды, объятom пламенем, который все удаляется и ширится наподобие загадочной изгороди, где множество цветов — георгины, лилии, тюльпаны, лютики — вьется вокруг решетки...»

Это — пейзаж? Конечно, ведь здесь написан сумеречный мир, заход солнца, пламенеющее небо, ограда, увитая цветами... В то же время это и никакой не пейзаж, потому что горизонт здесь особый, «горизонт Надежды, объятый пламенем», а Сумерки идут в паре с Воспоминанием, и оба существительных пишутся с заглавной буквы, так что даже эта орфографическая особенность придает им символический смысл. Здесь немало вещественных, предельно конкретных слов — названия цветов, решетка... Но конкретность эта обманчива — ведь действие все равно протекает в сознании поэта, и, как знать, может быть, нет и не было никаких тюльпанов и лилий, решетки и горизонта, а реальны только тоска по быломu, ощущение неуловимости минувшего, невозстановимости его. Все верленовские «реалии» сливаются в музыкальном движении стиха, каждое слово становится нотой, звучащей в аккорде и в отдельности неразличимой.

Вот поэт бредет над грустными кувшинками, освещенными багрянцем заката, бредет, «печаль свою сопровождая», и перед ним встает «туман, как призрак самого отчаянья, и жалобой его казались диких уток пересвисты» («Сентиментальная прогулка», 1866, перевод А. Эфрон). Вот поэт в лесу, и здесь, «издерганный вконец, терзаемый толпой неясных угрызений», он ощущает себя трусом, содрогающимся от ужаса при виде «сборища теней», окружающих его.

А лепет родников, что в чаше колобродят.
Подобен голосам собравшихся убийц.

(«В лесу», 1865, перевод А. Эфрон)

Все эти верленовские мотивы получают наиболее совершенное воплощение в знаменитых «Песнях без слов». Здесь взаимопроникновение душевной жизни и природы, воображения и реальности, иронии и трагизма, точного слова и растворяющего его контуры музыкального напева, прошлого и настоящего достигает высшей точки. Пейзаж окончательно размыт, растворен в трепете переживания, он есть — и его нет, он далек и от аллегорической определенности, и от сочности метафорических уподоблений, он многомыслен и бесконечно зыбок.

В 1924 году Маяковский в одном из парижских кафе повстречался с призраком Верлена, умершего за три десятилетия до того. Маяковский рассказал о разговоре, в ходе которого русский поэт рассказал загробной тени своего французского собрата:

Я раньше
вас
почти не читал,
а нынче —
вышло из моды,—
и рад бы прочесть —
не поймешь ни черта:
по-русски дрянь
переводы*.

Маяковский не точно информировал своего собеседника. Верлена в России любили и порой переводили не так уж скверно. На фоне множества дурных виршей на верленовские темы выделялись переводы Иннокентия Анненского и Валерия Брюсова: оба они сделали немало для того, чтобы стихи французского лирика зазвучали по-русски, и по тому времени их переводы были иногда даже и хороши; но они создавались до прихода Блока в русскую поэзию, а именно Блок открыл в русском языке и стихи такие возможности, какие были необходимы для перевода Верлена.

Последнее издание Верлена вышло у нас в начале 20-х годов — то были переводы Федора Сологуба, которые Блок назвал «благоуханными». Позднее публиковались отдельные стихотворения, переведенные Б. Пастернаком, В. Левиком, Э. Ли-нецкой. Мы вновь обращаемся к Верлену, обогащенные лирическим опытом поэзии XX века; к новому открытию Верлена нас подготовили Блок и Есенин, Ахматова и Пастернак. Многие из того, что несколько десятилетий назад казалось неперевода-мым, теперь начинает жить в русском стихе.

Не нужно искать в публикуемой ниже подборке полной цельности: ее не было и у самого Верлена, ее тем более не может быть у разных переводчиков, по-разному переживающих лирику Верлена. Сам Верлен видел высшую цельность не в единстве тона и слога, а в интенсивности лирического чувства.

Во французской литературе роль Верлена исключительная. Вместе с его предшественником Бодлером и современником Рембо он оказался у истоков новой поэзии, и поныне его лирика по чистоте, непосредственности, искренности не имеет равных во французском языке; впрочем, среди пишущих и на других языках мало кто может соперничать с этим лириком, в котором Анатоль Франс видел «самого оригинального, самого грешного и самого мистичного, самого сложного и самого простого, самого смятенного, самого безумного, но уж конечно и самого вдохновенного и самого подлинного из современных поэтов».

Е. ЭТКИНД

В размытой синеве неярко и нещедро
Сияет солнца свет; похожи на костры
Кусты осенних роз в тугих объятьях ветра,
И воздух чист и свеж, как поцелуй сестры.

Покинув свой престол в нетронутом эфире,
Природа, в доброте и прелести своей,
Склонилась над людьми, мятежнейшими в мире,
Изменчивейшими из всех ее детей.

Чтобы каймой плаща — куском самой вселенной —
Пот отереть со лбов, угрюмых, как свинец,
Чтобы вдохнуть покой души своей нетленной
В разброд и суету забывчивых сердец.

* Парижские стихи «Верлен и Сезанн».

Сегодня, наконец, мы на земле как дома.
От зол и от обид освобождает нас
Все, что открылось нам в просторах окоема.
Уйдемся. Помолчим. Настал раздумья час.

■ ■ ■

Как волны цвета сердолика,
Ограды борздят туман;
Зеленый свежий океан
Благоухает земляникой.

Взмах крыльев мельниц и ветвей
Прозрачен, их рисунок тонок;
Им длинноногий жеребенок
Под стать подвижностью своей.

В ленивой томности воскресной
Плывут стада овец; они
Кудрявым облакам сродни
Своею кротостью небесной...

Недавно колокольный звон
Пронесся звуковой спиралью
Над млечной, дремлющею далью
И замер, ею поглощен.

Карусель

За кругом круг упряжки коней,
За другом друг сто тысяч кругов...
Под вой гобоя, под визг рожков
Крутись, вертись, кружись веселей!
Пока хозяин с хозяйкой чинно
Гуляют за городом по парку,
На карусели солдат кухарку
Катает — видный собой мужчина.

Кружитесь, кони, услада слуг,
Под крик кларнета: покуда с вас
Зеваки круглых не сводят глаз,
Карманник не покладает рук.
Когда слоняешься ты с толпою,
В затылке гулко, в желудке сладко,
Не то что славно, не так чтоб гадко,
А шатко-валко, как с перепоею.

Кружитесь, кони, не зная троп,
Ни вкуса сена, ни жала шпор...
Пусть вас уносит во весь опор
Ваш вечно круглый шальной галоп!
Еще быстрее! Голубку скоро
Захочет голубь от карусели
Отвлечь: другое пойдет веселье
Без госпожи и ее надзора.

Кружитесь, кони! Плащ темный свой
Усеял звездами небосклон;
Уже уходят она и он,
Кружитесь под барабанный бой!

■ ■ ■

Под ветром ежатся, как дети,
Ракит кладбищенских кусты
В белесом леденящем свете.

Скрипят сосновые кресты —
Могил печальные обновы.
Кричат, как заткнутые рты.

Текут, безмолвны и суровы,
Рекою траура и слез
Родители, сироты, вдовы.

По кругу и наперекос,
Под содрогания рыданий
Плутают меж бумажных роз.

Трудны тропинки расставаний!
Летят, беснуясь, облака,
Свивая небо в рог бараний.

Как угрызенье, как тоска,
Живых терзает дрожь озноба,
А мертвым стужа — на века.

Неласкова земли утроба!
Забвенье, память ли нужна
Им, стынувшим под крышкой гроба?

Хоть бы скорей пришла весна
И с нею щебет, и цветенье,
И жаркая голубизна!

Приди, о чудо обновленья,
И расколдуй сады, леса
От зимнего оцепененья!

Пусть солнце полнит небеса,
Пусть над тоскою беспредельной
Погостов жизни голоса
Звучат подобно колыбельной.

Перевод А. ЭФРОН

Осенняя песня

Вскрики
Осенней скрипки —
Ветра долгие стоны...
Душу берет в тиски
Песня тоски
Монотонной.

Дробный,
Зовущий, ровный
Звук наполняет уши...

Бой
Часов гробовой —
Слез внезапных удушье.

С пеньем
Глухим, осенним,
Закружив до упада,
Обняла, точно смерть,
Круговерть
Листопада.

Наваждение

Пробегаёт мышь,
Черная на сером в час вечерний.
Пробегаёт мышь,
Серая на черни.

Колокол гудит.
На покой пора тюремной братье!
Колокол гудит.
Спите, бога ради.

Все печали прочь.
Вновь во сне к любимым прикоснитесь.
Все печали прочь —
Радости приснитесь!

Полная луна.
Храп клокочет у соседа в глотке.
Полная луна
Прямо на решетке.

Облака ползут —
Будто сажа в печке оседает.
Облака ползут.
Погляди, светает!

Пробегаёт мышь,
Розовая на дорожке синей.
Пробегаёт мышь.
Подымайтесь, свиньи!

Перевод А. ЯКОБСОНА

■ ■ ■

То розоваты, то зелены
Под фонарями белесыми
Пляшут холмы и расселины,
В беге сливаясь с откосами.

В золоте дали глубокие
Тускло горят багряницами.
Два деревца кособокие
Хохлятся сирыми птицами.

И провожающий с мукою
Эти приметы осенние,
Я мои беды баюкаю
Под монотонное пение.

■ ■ ■

За утренней мглою
Сквозят пустыри
Печалью былою
Вечерней зари.
Печалью былою

До края полны
Вечерней зарею
Рожденные сны.
Не зная возврата,
Нездешние сны,
Они, как закаты
Песчаной страны,
Уходят куда-то
И гаснут впотьмах,
Печальной заката
В песчаных холмах.

Ночной мираж

Стемнело. Льет. За сизой пеленой
На мутном небе готикой сквозной
Чернеет город, сумерками скраден.
Пустырь. Под горбылями перекладин,
Ордой ворон расклеваны дотла,
Танцуют жигу щуплые тела,
Которым волк обглаживает ноги.
Кругом лишь дикий терн, да у дороги
Щетинится на жиже восковой
Чертополох. И движется конвой:
Ведут босых и бледных несказанно
Троих людей — и двести протазанов,
Как бороной потемки бороздя,
Скрестили зубья с копыями дождя.

■ ■ ■

Далекий рог печалится в бору,
Как сирота, выплакивая горе,
И глохнет, отрыдав, на косогоре —
Лишь отголоски стонут на ветру.

Душа волчонка плачет в этом хоре
И затихает только ввечеру —
И плач торопит робкую игру
Больного солнца, гаснущего вскорю.

А вот и хлопья первые летят
И корпией ложатся на закат,
Чтобы унять нездешние печали,

И словно вздох осенней тишины
Завороженный воздух — так нежны
Вечерней мглой обласканные дали.

■ ■ ■

Над прошлогоднею травой
Гуляет ветер вихревой,
И снег на солнце и ветру,
Звеня, смерзается в кору.

Но крепнет дух лесов и льдов,
Поет простор на сто ладов,
И в дымных селах день за днем
Все веселей горят огнем
Колокола и флюгера.
Пора, душа моя, пора!
О, как чудесно одному
Брести в рedeющем дыму!
В дорогу! Что глядеть назад!
Остыл очаг — остался чад.
Весна сурова, но сладка
И вся — как весть издалека,
Что миновали холода
И бог терпенья и труда
Нас не забыл. Так помолись —
И в путь. Надежды заждались!

■ ■ ■

Луна багряная проглянула слегка,
Заводит марево причудливые пляски
Над сонной пустошью, кричит лягушка в ряске,
И пробегает дрожь по тени тростника,

Свернулись лилии холодными клубками,
Прямые тополя слились в одну черту
И цепью призраков уходят в темноту,
Искрятся заросли росой и светляками,

Сова бесшумная плывет неслышно прочь,
Глухими крыльями волнуя темный воздух;
И вот зенит уже в затеплившихся звездах.
Венера светлая встает, и это — Ночь.

Перевод А. ГЕЛЕСКУЛА

